

Научная статья
УДК 347.948
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-72-77

Эмиль Шамилевич Тахмазов

соискатель

<https://orcid.org/0000-0002-0989-6726>, tahmazlaw@gmail.com

*Саратовская государственная юридическая академия
Российская Федерация, 410028, Саратов, ул. Чернышевского, д. 104*

Некоторые проблемы признания недействительным завещания на основании пункта 1 статьи 177 Гражданского кодекса Российской Федерации

Аннотация: В статье рассматриваются процессуальные проблемы рассмотрения гражданских дел о признании недействительным завещания, совершённого лицом, не способным в этот момент понимать значения своих действий или руководить ими. Особенности такой категории дел являются гносеологическая ограниченность возможностей по доказыванию и короткий срок эффективной защиты прав в судебном порядке – до шести месяцев, а также сложности, связанные с установлением персоны надлежащего ответчика.

Предлагаются материальные и процессуальные способы решения описанных в статье проблем. В частности, предлагается предоставить наследникам, которые были бы призваны к наследству в отсутствие завещания, право на получение от лиц, удостоверивших завещание, информации о его содержании, право оспаривать завещания до открытия наследства по правилам п. 2 ст. 177 ГК РФ или возможность обратиться с соответствующим иском в суд без указания ответчика. Предлагается формально закрепить в актах Пленума Верховного Суда необходимость во всяком деле исследуемой категории ставить вопрос о назначении посмертной судебной экспертизы. Также предлагается сужение широты дискреционных полномочий суда при разрешении ходатайства о проведении повторной судебной экспертизы по исследуемой категории дел.

Ключевые слова: завещание, порок воли, сделка, судебная экспертиза, экспертное заключение, тайна завещания

Для цитирования: Тахмазов Э. Ш. Некоторые проблемы признания недействительным завещания на основании пункта 1 статьи 177 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 72–77; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-72-77.

Emil Sh. Takhmazov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-0989-6726>, tahmazlaw@gmail.com

Saratov State Law Academy

104, Chernyshevsky str., Saratov, 410028, Russian Federation

Some problems of invalidating a will on the basis of § 1 of article 177 of the Civil Code of the Russian Federation

Abstract: The article deals with the procedural problems of considering civil cases on the invalidation of a will made by a person who is not able at that moment to understand the meaning of his actions or to manage them. The peculiarities of this category of cases are the epistemological limited possibilities for proving and the short period of effective protection of rights in court - up to six months, as well as the difficulties associated with establishing the personality of the proper defendant.

Material and procedural ways of solving the problems described in the article are proposed. In particular, it is proposed to provide heirs who would be called to inherit in the absence of a will, the right

to receive information about contents from persons who certified the will, the right to challenge wills before opening the inheritance in accordance with the rules of paragraph 2 of Art. 177 of the Civil Code of the Russian Federation or the opportunity to file a corresponding claim in court without specifying the defendant. It is proposed to fix formally in the acts of the Plenum of the Supreme Court the need to raise the issue of appointing a post-mortem forensic examination in any case of the category under study. It is also proposed to narrow the breadth of discretionary powers of the court when resolving a petition for a repeated forensic examination in the category of cases under study.

Keywords: testament, vice of will, transaction, forensic examination, expert opinion, secrecy of the will

For citation: Takhmazov E. Sh. Some problems of invalidating a will on the basis of § 1 of article 177 of the Civil Code of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 72–77; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-72-77.

Завещание как сделка может обладать различными пороками, влекущими его недействительность. Как и в любой другой сделке, завещание может иметь порок воли наследодателя, выражающийся в различии между действительной волей лица и зафиксированным в документе изъявлением, формальных причинах невозможности совершать сделки или в возникшей неспособности завещателя в принципе понимать значение и смысл своих действий.

Один из пороков воли, согласно п. 1 ст. 177 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), обнаруживается при совершении завещания лицом, не способным в этот момент понимать значение своих действий и руководить ими, если дееспособности в целом такое лицо не лишено. Не имеют при этом значения причины, обусловившие возникновение соответствующего состояния физического лица: оно может быть вызвано действиями как самого лица², так и воздействием внешних факторов [1]. Некоторые авторы именуют такое состояние «фактической недееспособностью»³, другие относят его к разновидностям частноправовой невозможности [2, с. 87–88].

Такой порок влечет оспоримость завещания, т. е. даёт возможность заинтересованному лицу – несостоявшемуся наследнику, в силу п. 1 ст. 177 ГК РФ по своей инициативе противодействовать правовому эффекту посмертной воли завещателя посредством обращения в суд. Недействительность завещания с этим недостатком, очевидно, затрагивает исключительно частные интересы субъектов гражданского права, в связи с чем законодатель не отнёс эти сделки к числу ничтожных.

Вместе с тем реализация предоставленных заинтересованным лицам возможностей сопряжена с некоторыми препятствиями, которые могут затруднить или сделать невозможным оспаривание завещания.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ в ред. от 25 января 2022 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 58-КГ16-18 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

³ Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Байгушева Ю. В. (и др.). Гражданское право : учебник: в 3 т. – Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – Москва: ТК Велби, 2009. – С. 459.

Согласно абз. 2 п. 2 ст. 1131 ГК РФ⁴, оспаривание завещания до открытия наследства, т. е. до смерти наследодателя (ст. 1113 ГК РФ), не допускается. В литературе это объясняется необходимостью сохранения свободы волеизъявления наследодателя в целях соблюдения принципа свободы завещания, а также отсутствием правового эффекта завещания в силу прямого указания п. 5 ст. 1118 ГК РФ [3], отсутствия объекта правовой защиты как такового [4, с. 17].

Из-за перечисленных причин и этической недопустимости возбуждения процедуры оспаривания последней воли ещё живого человека заинтересованное в таком оспаривании лицо сталкивается с некоторыми процессуальными сложностями.

Во-первых, как разъяснено в п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании», суд отказывает в принятии искового заявления о признании завещания недействительным, предъявленного в суд до открытия наследства, а если заявление принято, – прекращает производство по делу (часть 1 статьи 3, часть 1 статьи 4, часть 2 статьи 134, статья 221 ГПК РФ)⁵. Поэтому и со дня открытия наследства, если истцу известен ответчик – наследник, начинается течение срока исковой давности – такой вывод следует из смысла п. 5 ст. 1118 ГК РФ и п. 2 ст. 1131 ГК РФ. Срок исковой давности о признании завещания недействительной сделкой в силу п. 2 ст. 181 ГК РФ составляет один год. Таким образом, даже зная ответчика, содержание завещания и имея потенциальную возможность установить невменяемость на момент совершения завещания ещё живого наследодателя, обратиться в суд прежде его смерти не удастся.

Вторая трудность также связана со временем, отведённым истцу для эффективной защиты своих прав, в частности, путём принятия мер по обеспечению иска. Реализация этого процессуального механизма, как известно, невозможна

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ в ред. от 1 июля 2021 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

⁵ О судебной практике по делам о наследовании : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 в ред. от 24 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

ранее обращения заинтересованного лица в суд с иском заявлением.

Как следует из п. 1 ст. 1163 ГК РФ, по общему правилу свидетельство о праве на наследство выдается наследникам в любое время по истечении шести месяцев со дня открытия наследства. Следовательно, у наследника по завещанию есть реальная возможность уже через шесть месяцев после смерти наследодателя получить необходимый документ и распорядиться составленным наследством имуществом. Если к этому моменту заинтересованное в оспаривании завещания лицо не обратится в суд с иском и не потребует принятия мер по его обеспечению, даже в случае благоприятного для заявителя исхода дела получить положенное имущество или его денежный эквивалент может оказаться непросто. Таким образом, срок для эффективной защиты своих прав в деле о признании завещания недействительным сокращается до шести месяцев со дня открытия наследства.

Третье затруднение также связано с дефицитом времени, но обусловлено уже поведением третьего участника наследственных правоотношений – нотариуса или другого удостоверяющего завещание лица. Это лицо, применяя неверно правило о тайне завещания, предусмотренное ст. 1123 ГК РФ, или действуя по иным мотивам, может отказать в предоставлении сведений о персоне ответчика и содержании завещания обратившемуся. За то время, пока заинтересованное лицо будет обжаловать неправомерный отказ нотариуса или другого удостоверяющего завещание лица, искать необходимую информацию другим способом, например, посредством розыска экземпляра завещания среди вещей наследодателя, и без того короткое время на эффективную защиту своих прав может быть упущено.

Возможное решение перечисленных проблем видится в дозволении заинтересованному лицу оспаривать завещание до открытия наследства хотя бы в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 177 ГК РФ, т. е. как сделку, совершённую гражданином, впоследствии признанным недееспособным, если доказано, что в момент её совершения он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими.

Этически более приемлемым и не требующим столь радикального вмешательства в принципиальное правовое регулирование представляется прямое указание в законе на обязанность нотариуса или иного лица, уполномоченное на удостоверение последней воли, после открытия наследства раскрывать содержание завещания гражданам, которые могли призываться к наследованию, если бы завещание не совершалось.

Проблема эффективной защиты может быть обусловлена, как указывалось ранее, существенно отсутствием информации об ответчике, в связи с чем даже на техническом уровне представляется уместным в целях решения обозначенной проблемы наделить истца, оспаривающего завещание, правом обращения в суд без указания ответчика. Такой подход уже знаком

отечественному правопорядку, в частности, п. 3 ст. 1175 ГК РФ допускает предъявление требований кредиторов к наследственному имуществу, в целях сохранения которого к участию в деле привлекается исполнитель завещания или нотариус. Создание описываемой возможности заинтересованным в оспаривании завещания лицам, как видно, не навредит функционированию института тайны завещания, не вступает в противоречие с этическими нормами, но позволяет увеличить срок эффективной защиты своих прав в рамках исследуемой категории дел.

Другая категория проблем, связанных с рассмотрением дела о признании недействительным завещания, совершённого лицом, не способным понимать значение своих действий и руководить ими, связана с процессом доказывания.

В предмет доказывания по такому гражданскому делу входит установление наличия или отсутствия состояния, при котором наследодатель не мог понимать значение своих действий и руководить ими именно в момент совершения завещания.

Установить психическое состояние наследодателя в определённый момент, исследуя его психику непосредственно, невозможно в силу известной причины – он не находится в живых. Вместе с тем заинтересованное лицо не лишено права предоставлять видео- и аудиозаписи, обличающие, например, речь и (или) образ действий гражданина, медицинскую документацию, в т. ч. из учреждений психиатрической направленности, показания свидетелей, непосредственно наблюдавших поведение наследодателя.

Период, в течение которого потенциально порочная воля реализуется и формализуется, как правило, довольно краток и может составлять менее одного часа. Кроме того, как указывалось ранее, болезненное состояние психики не обязательно связано с недугом, в т. ч., психическим, оно может быть внезапным или носить приступообразный характер. Всё это обуславливает известные сложности со сбором и представлением в суд каких-либо свидетельств психического состояния совершившего завещание гражданина.

Если же удалось обнаружить и предоставить в суд допустимые и относимые доказательства, обличающие, на первый взгляд, угнетённое состояние психики наследодателя, установить его неспособность понимать значение своих действий и руководить ими суд не в состоянии ввиду отсутствия необходимых специальных знаний. В этом случае, в силу ст. 79 ГПК РФ, необходимо назначение по делу судебной посмертной психолого-психиатрической экспертизы.

По общему правилу назначение экспертизы по такому делу не является строго обязательным, во всяком случае, из гражданского законодательства такого не следует. Даже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, когда необходимость экспертного заключения следует из обстоятельств дела и представленных

доказательств, судья правомочен, но не обязан назначать экспертизу.

Некоторые исследователи данной проблематики полагают, что назначение судебной экспертизы по рассматриваемой категории дел возможно только при наличии достаточных доказательств [5, с. 104–105; 6]. Оценка доказательств, в т. ч. на предмет их достаточности (ч. 3 ст. 67 ГПК РФ), осуществляется судом, следовательно, только от его усмотрения зависит, будет ли назначена по такому делу судебная экспертиза.

Кроме того, в силу презумпции дееспособности наследодателя на момент совершения сделки [7, с. 21; 8, с. 8], необходимости сохранения сделки в целях защиты частной автономии воли [9], бремя доказывания угнетённого психического состояния возложено на истца. Если истец окажется некомпетентным, а суд не проявит процессуальной активности и экспертиза по делу не будет назначена, то ничего не остаётся, кроме как отказать в удовлетворении исковых требований. В этом случае, как представляется, говорить о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела не приходится.

В связи с этим было бы верным указать, например, на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации на необходимость при рассмотрении дел такой категории, во всяком случае ставить вопрос о назначении судебной экспертизы.

Сложность сбора доказательств и довольно короткий период подлежащего исследованию состояния наследодателя создают трудности не только для суда и сторон, но и для эксперта, посмертно исследующего психику единственного участника оспариваемой сделки. Это чревато допущением в экспертном заключении чисто гносеологических ошибок, неверными выводами или выводами, носящими вероятностный характер.

Частью 2 ст. 87 ГК РФ предусмотрен особый способ проверки экспертного заключения посредством проведения повторного исследования, поручаемого другому эксперту или экспертам. Наличие такого способа проверки заключения, с учётом ограниченных возможностей эксперта, представляется критически значимым не только для суда, но и для стороны, сомневающейся в правильности сделанных выводов.

Вместе с тем, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, сомнений стороны и заявления соответствующего ходатайства недостаточно для назначения повторной экспертизы. По мнению Суда, право принимать решение о назначении и проведении повторной судебной экспертизы принадлежит исключительно суду, рассматривающему дело, что вытекает из принципов самостоятельности суда⁶

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуденко Бориса Ивановича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 739-О [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

и его независимости⁷. Такой вывод обоснован действующими во взаимосвязи положениями ч. 1 ст. 87, ст. 166 и п. 5 ч. 1 ст. 225 ГПК РФ, которые «...не предполагают произвольного отказа в удовлетворении ходатайства о назначении повторной экспертизы (при наличии названных условий) и тем самым направлены на принятие законного и обоснованного решения по делу и являются процессуальной гарантией права на судебную защиту»⁸.

Взаимосвязанные правоположения, приведённые Судом, возлагают на суд, рассматривающий дело, во всяком случае, обязательно мотивировать определение об отказе в удовлетворении ходатайства о назначении по делу повторной экспертизы. К сожалению, суды зачастую не стремятся обременять себя необходимостью полноценно мотивировать отказ в удовлетворении ходатайства.

Так, например, согласно тексту решения Дзержинского районного суда г. Ярославля от 18 мая 2020 г. по делу № 2 – 23/2020, в назначении повторной экспертизы было отказано: «Суд полагает, что у суда нет оснований не доверять заключению экспертизы...»⁹.

В другом деле, пересматриваемом во Втором кассационном суде общей юрисдикции, мотивы отклонения ходатайства о назначении повторной экспертизы исчерпались указанием на констатацию того, что «Суд, отказывая в назначении повторной экспертизы, обоснованно исходил из отсутствия объективных оснований для её производства»¹⁰.

Приведённые мотивационные формулировки едва ли можно считать исчерпывающими, что не обеспечивает реализацию гарантий судебного процесса или его рационализацию, а лишь направлено на уменьшение нагрузки судов. Оправданным такой подход считать нельзя, во-первых, потому что доступность пересмотра судебных постановлений нивелирует предполагаемый эффект процессуальной экономии, во-вторых, суд, назначивший повторную экспертизу и даже приостановивший в связи с этим

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Федоровой Ксении Георгиевны на нарушение ее конституционных прав рядом норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1714-О [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фролова Александра Семеновича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2021 г. № 113-О [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

⁹ Решение Дзержинского районного суда г. Ярославля от 18 мая 2019 г. по делу № 2 – 23/2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Дзержинского районного суда г. Ярославля. – Режим доступа: // <http://dzerzhinsky.jrs.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.08.2022).

¹⁰ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 2 декабря 2021 г. по делу № 88-28536/2021 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2022).

производство по делу, не утрачивает возможность рассматривать иные дела.

Такой подход, как видно, не только не обеспечивает судебную систему действительной процессуальной экономией, но и негативно сказывается на принципе равноправия сторон, если под ним понимать в том числе «равные возможности доказывания основания своих требований и возражений, исходя из своих позиций на спорное правоотношение» [10, с. 39]. Как указывалось ранее, эксперт, проводя посмертную судебную психолого-психиатрическую экспертизу, не имеет возможности исследовать психику наследодателя непосредственно, что создаёт риск получения неверных или вероятностного характера выводов, но сторона, не доверяющая исследованию, не вправе требовать назначения повторной экспертизы, которая, возможно, восполнит гносеологические упущения, допущенные прежним исследователем.

Стоит, однако, иметь в виду, что сторона, требующая назначения по делу судебной экспертизы, не лишена возможности таким образом злоупотребить своим процессуальным правом, в целях, например, увеличения сроков рассмотрения дела, вступления в силу судебного решения. Это кажется тем более возможным и удобным с учётом положения абз. 2 ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, согласно которому эксперт или судебно-экспертное учреждение не вправе отказаться от проведения порученной им экспертизы в установленный судом срок, мотивируя это отказом стороны произвести оплату экспертизы до её проведения.

Представляется правильным законодательно обязать суд удовлетворять ходатайство о назначении повторной судебной экспертизы по делам из числа исследуемой категории, кроме случаев, когда назначение экспертизы не имеет практического смысла в связи с признанием стороной обстоятельств в смысле ч. 2 ст. 68 ГПК РФ или признания иска. Помимо возложения обязанности на суд представляется правильным обязать ходатайствующую сторону внести до определённого срока установленную сумму на депозит суда или на банковский счёт экспер-

та (экспертного учреждения). Неисполнение же этой обязанности должно влечь утрату стороной права требования назначения повторной экспертизы в последующем при рассмотрении данного дела. Это, как представляется, позволит эффективно обеспечить процессуальную экономию, гарантии судебной защиты и принципа равноправия сторон, а также противодействовать попыткам злоупотребления процессуальными правами.

Выводы

1. Срок эффективной судебной защиты при признании завещания недействительным на основании п. 1 ст. 177 ГК РФ не превышает шести месяцев. Увеличение такого срока возможно путём предоставления наследникам, которые были бы призваны к наследству в отсутствие завещания, права на получение от нотариуса или иных лиц, удостоверивших завещание, информации о его содержании, права оспаривать завещание до открытия наследства по правилам п. 2 ст. 177 ГК РФ или возможности обратиться с соответствующим иском в суд без указания ответчика.

2. Особое доказательственное значение по данной категории дел имеет заключение посмертной психолого-психиатрической экспертизы. В связи с этим необходимо указать, например, на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации на необходимость, во всяком случае, ставить вопрос о назначении судебной экспертизы.

3. Для обеспечения соблюдения принципа равноправия сторон и проверки правильности экспертного заключения особую важность имеет назначение по делу повторной судебной экспертизы. В связи с этим предлагается сужение широты дискреционных полномочий суда при разрешении ходатайства о проведении повторной судебной экспертизы. В этой части необходимо установить обязанность суда назначать проведение повторной экспертизы с условием о совершении ходатаем предварительной оплаты работы эксперта.

Список литературы

1. Склоцкий К. И. Сделка и её действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.08.2022).
2. Филиппова С. Ю. Невозможность в частном праве: понятие, виды, правовые последствия. Опыт систематизации норм частного права // Хозяйство и право. – 2019. – № 1. – С. 80–97.
3. *Наследственное право*: Постатейный комментарий к разделу V Гражданского кодекса Российской Федерации / под общ. ред. М. А. Димитриева. – Екатеринбург: «Издательство УМЦ УПИ», 2012. – 180 с.
4. Останина Е. А. Взаимная связь сделок и признание завещания недействительным // Наследственное право. – 2011. – № 3. – С. 17–22.
5. Марухно В. М. Посмертная экспертиза в вопросах недействительности завещания // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 104–107.
6. Смолина Л. А., Лебедева Е. А. Признание завещания недействительным по пороку субъективной стороны: проблемы правоприменительной практики // Нотариус. – 2019. – № 1. – С. 35–39.
7. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. – Москва: Госюриздат, 1954. – 247 с.
8. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. – Ленинград: изд-во Ленинградского университета, 1960. – 171 с.

9. Байбак В. В., Бевзенко Р. С., Будылин С. Л. и др. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2018 [Электронное издание. Редакция 1.0]. – 1264 с. // СПС «Консультант Плюс».

10. Матюшенкова Ю. Л. Некоторые аспекты арбитражной практики по налоговым спорам. Москва, 2002. – 169 с.

11. Малофеев А. А. Недействительность сделок с пороками воли. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. – 140 с.

References

1. Sklovskiy K. I. Sdelka i yeyo deystviye. Kommentariy glavy 9 GK RF. Printsip dobrosovestnosti [Elektronnyy resurs] // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.08.2022).

2. Filippova S. Yu. Nevozmozhnost' v chastnom prave: ponyatiye, vidy, pravovyye posledstviya. Opyt sistematizatsii norm chastnogo prava // Khozyaystvo i pravo. – 2019. – № 1. – S. 80–97.

3. Nasledstvennoye pravo: Postateynny kommentariy k razdelu V Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / pod obshch. red. M. A. Dimitriyeva. – Yekaterinburg: «Izdatel'stvo UMTS UPI», 2012. – 180 s.

4. Ostanina Ye. A. Vzaimnaya svyaz' sdelok i priznaniye zaveshchaniya nedeystvitel'nym // Nasledstvennoye pravo. – 2011. – № 3. – S. 17–22.

5. Marukhno V. M. Posmertnaya ekspertiza v voprosakh nedeystvitel'nosti zaveshchaniya // Obshchestvo i pravo. – 2011. – № 5. – S. 104–107.

6. Smolina L. A., Lebedeva Ye. A. Priznaniye zaveshchaniya nedeystvitel'nym po poroku sub'yektivnoy storony: problemy pravoprimeritel'noy praktiki // Notarius. – 2019. – № 1. – S. 35–39.

7. Novitskiy I. B. Sdelki. Iskovaya davnost'. – Moskva: Izdatel'stvo: Gosyurizdat, 1954. – 247 с.

8. Rabinovich N. V. Nedeystvitel'nost' sdelok i yeye posledstviya. – Leningrad: izd-vo Leningradskogo universiteta, 1960. – 171 s.

9. Baybak V. V., Bevezhenko R. S., Budylin S. L. i dr. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postateynny kommentariy k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2018 [Elektronnoye izdaniye. Redaktsiya 1.0]. – 1264 s. // SPS «Konsul'tant Plyus».

10. Matyushenkova Yu. L. Nekotoryye aspekty arbitrazhnoy praktiki po nalogovym sporam. Moskva, 2002. – 169 s.

11. Malofeyev A. A. Nedeystvitel'nost' sdelok s porokami voli. – Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2010. – 140 s.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.

The article was submitted September 5, 2022; approved after reviewing October 17, 2022; accepted for publication October 21, 2022.